

Позже, когда Цзян Чуан вызволил Вэнь Цзюэ из плена князя И, тот казался еще более истощенным и хрупким. В руках он ощущался невесомым, словно пушинка, готовая улететь от малейшего дуновения ветра.

Как бы Цзян Чуан ни пытался расшевелить его, какими бы словами ни задевал, принц оставался безучастным, словно стоячая вода. Он безразлично взирал на собственные раны, почти не разговаривал и отказывался от еды.

Он просто безмолвно ждал смерти. Тогда Цзян Чуан полагал, что виной всему жестокие пытки в застенках князя И. Но теперь он осознал: супруг уже в то время был неизлечимо болен и ежедневно терпел боль, пронизывающую до самых костей. Откуда в нем могло взяться желание жить?

И тогда, и сейчас Чжиюй упрямо верил в неизбежность собственного конца и спокойно принимал его.

К тому же Цзян Чуан тогда, желая пробудить в нем хоть какие-то чувства, осыпал его жестокими упреками и колкостями. Каждое слово вонзалось глубоко в старые душевные раны, и Чжиюй, должно быть, решил, что заслужил эти страдания... приняв их как суровое искупление прошлых грехов.

При одной лишь мысли о том, через что пришлось пройти Чжиюй, сердце Цзян Чуана сжималось от невыносимой, тягучей боли, словно его резали на части.

За всё время их бегства Чжиюй лишь однажды признался, что ему больно — когда Цзян Чуан обрабатывал его раны и попытался ласково успокоить.

В тот миг принц больше не смог сдерживаться. Цзян Чуан увидел, как его глаза наполнились бездонной скорбью и горькой обидой, а слезы, точно оборвавшиеся жемчужины, покатались по бледным щекам:

— Больно... очень больно...

«Как больно».

Это же чувство испытывал сейчас сам Цзян Чуан. Невыносимая боль в груди отдавалась в самых кончиках пальцев. Он попытался сжать руки в кулаки, но от этого движения сердце заныло еще сильнее.

Тогда он всё же не выдержал и поцеловал Чжиюй — лишь бы тот перестал плакать.

Генерал стоял перед дверью, низко опустив голову. Его плечи мелко подрагивали. Крупная слеза упала на землю, за ней следом — другая, выдавая его полное, жалкое бессилие.

Но вдруг дверь распахнулась.

— Юньчуань, это ты?

Цзян Чуан порывисто вскинул голову и торопливо смахнул слезы. Стараясь не смотреть на стоявшего перед ним супруга, он выдавил гнусавым от слез голосом:

— Это я, — отозвался он.

Он увидел, как Вэнь Цзюэ облегченно выдохнул и заметно расслабился. Не дожидаясь, пока

генерал заговорит, принц переступил через порог, на ощупь нашел его руку и нежно обнял за талию:

— Почему ты стоишь снаружи и не заходишь? Всё еще сердишься на меня?

Цзян Чуан шмыгнул носом и окончательно сорвался: слезы хлынули градом. Он крепко обхватил Вэнь Цзюэ за талию, прижимая к себе с такой силой, словно хотел растворить его в собственном теле:

— Прости меня... — «Прости, что я не знал, как сильно у тебя всё болело».

Генерал весь дрожал, плечо Вэнь Цзюэ быстро намокло от его горячих слез. Цзян Чуан плакал перед ним впервые в жизни, и этот плач отозвался в душе принца тревожным, щемящим чувством.

Вэнь Цзюэ похлопал его по спине:

— Что случилось? Зачем ты говоришь такое? Супругу никогда не нужно просить у меня прощения. — Ведь настоящим виновником, заслуживающим этих слов, Вэнь Цзюэ считал самого себя.

Цзян Чуан лишь качал головой, не в силах вымолвить ни слова. Стоило ему приоткрыть рот, как наружу вырывались лишь безутешные рыдания. Могучий, крепко сбитый воин обнимал своего хрупкого супруга и горько плакал, точно малое дитя.

Вэнь Цзюэ, лишенный зрения, не понимал, что так ранило его Юньчуаня, и мог лишь растерянno сжимать его в объятиях.

Тем временем Чаннин, который умышленно вылез в окно, чтобы не мешать хозяевам, сидел на ветке дерева и думал: «Надо же, никогда бы не подумал, что этот великий генерал Цзян окажется таким плаксой».

«Ну да ладно, пускай поплачет. Глядишь, разжалобит Его Высочество, и тот без лишних капризов согласится на лечение».

Чаннин и сам не до конца понимал, какие страхи терзают его господина. Все эти годы ему казалось, будто Вэнь Цзюэ втайне даже рад тому, что его слепота неизлечима.

Когда Цзян Чуан наконец выплакался, они вместе вошли в комнату и прикрыли за собой дверь.

Налив себе чаю, генерал в несколько глотков осушил пиалу, а затем наполнил её снова. Вэнь Цзюэ мягко погладил его по спине:

— Помедленнее, никто у тебя не отбирает.

Цзян Чуан с тихим стуком поставил чашку на стол и уставился на Вэнь Цзюэ пристальным, горящим взглядом. Его голос всё еще сипел, но звучал предельно серьезно:

— Чжиюй, ответь мне честно: ты ведь на самом деле вовсе не хочешь исцеляться?

Вэнь Цзюэ заметно опешил, а затем погрузился в молчание. На его губах заиграла слабая улыбка — он явно собирался притвориться, будто не понимает, о чем речь, однако в этот раз Цзян Чуан не намерен был отступать.

— Разве ты не хочешь состариться вместе со мной?

Улыбка на лице Вэнь Цзюэ застыла.

— Разве не мечтаешь мчаться со мной на лихих скакунах навстречу ветру, наслаждаясь свободой?

Вэнь Цзюэ хранил молчание.

— Неужели тебе не хочется полюбоваться закатом над озером Сяньху или хотя бы... увидеть, как я выгляжу? — Цзян Чуан попытался разрядить обстановку шутливым тоном:

— А вдруг я страшный как смертный грех, и ты окажешься в глубоком убытке?

— Хочу, — тихо отозвался Вэнь Цзюэ. Он поднял ладони и бережно прикоснулся к лицу Цзян Чуана. Его пальцы двигались неторопливо, скользя по лбу, надбровным дугам, уголкам глаз, переносице и губам — словно воссоздавая облик генерала в своем воображении. На его лице расцвела кроткая улыбка:

— Совсем не страшный. Очень красивый.

Он уже не впервые касался его лица. Множество раз, когда Цзян Чуан крепко спал, принц украдкой ощупывал его черты, пытаясь представить, каков его супруг на самом деле.

У Цзян Чуана была высокая переносица, выраженные надбровные дуги и крупные глаза; черты его лица наверняка были мужественными и резкими. Он был очень высок — макушка Вэнь Цзюэ едва доставала ему до груди.

Он был крепок телом и наделен недюжинной силой — совсем не похож на хлипких столичных книжников или изнеженных придворных вельмож. Когда он крепко прижимал его к себе, его мышцы становились твердыми, словно каменная стена, и в этих объятиях Вэнь Цзюэ всегда охватывало необъяснимое чувство покоя.

В народе у Цзян Чуана была прекрасная слава: его почитали как отважного воина и человека чести. Многие высокопоставленные сановники мечтали выдать за него своих дочерей, да и вторая императорская сестра, мельком увидев его на пиру, долгое время не могла выбросить его из головы.

Пожалуй, если бы не вечные подозрения императора, Вэнь Цзюэ вряд ли вообще смог бы стать его супругом.

Цзян Чуан, моментально растаявший от этих ласковых прикосновений, тут же ухватился за возможность:

— Тогда давай ты будешь послушно выполнять всё, что говорит Бай Юань, и позволишь ему вылечить твои глаза, хорошо?

Вэнь Цзюэ кивнул и с мягкой укоризной улыбнулся:

— Разве я когда-то говорил, что против? Неужели ты только что так горько рыдал лишь из-за этого?

— Вовсе нет, с чего ты взял, что я плакал? Тебе слышалось...

— Точно не плакал? — спросил Вэнь Цзюэ.

— Ладно, ладно, плакал я! — сдавленно выпалил Цзян Чуан.

— То-то же, — улыбнулся Вэнь Цзюэ, разжимая пальцы.

В следующее мгновение Цзян Чуан усадил его к себе на колени. Прижавшись лбом ко лбу Вэнь Цзюэ, он принялся ласково тереться о него и капризно протянул своим басовитым, хриплым голосом:

— Чжией, ну давай лечиться~ Вот поправишься, на границе воцарится мир, и я увезу тебя путешествовать по свету, покажу все красоты Поднебесной!

Множество сомнений и тревог тяжелым грузом лежали на душе Вэнь Цзюэ, но упрямый Цзян Чуан настойчиво вытягивал его из этой пучины уныния. Растроганный его лаской, принц невольно рассмеялся:

— Хорошо, я согласен. Буду лечиться...

— Ты сам это пообещал! — восторженно воскликнул Цзян Чуан и с размаху чмокнул его в щеку. — Мне всё равно, какие мысли бродят у тебя в голове, чего ты боишься или опасаясь. Мы теперь супруги, а значит, ты обязан хоть чуточку заботиться о моих чувствах! Представь только: у меня сердце кровью обливало, когда Бай Юань описывал твои будущие мучения... а ты еще и упрямисься! Неужели ты совсем не думаешь о том, как горько мне будет?

— Прости... — Вэнь Цзюэ принялся в ответ осыпать его лицо легкими поцелуями.

Выслушивая эти упреки, Вэнь Цзюэ ощутил укол совести. Он вдруг понял, что и впрямь никогда не задумывался о чувствах генерала, не думал о том, что может ранить его. Точнее, он просто не смел верить, что Цзян Чуан станет искренне сокрушаться о нем — пускай даже с самого дня свадьбы тот без усталости шептал ему самые нежные признания.

Привычка сомневаться в чужой искренности въелась в самую его суть, он попросту не умел любить. Стоило сорвать с него маску кротости, как он, подобно ежу, инстинктивно выпускал иголки, ожидая от окружающих лишь коварства и зла.

Даже когда Бай Юань вещал о его неизлечимом недуге, Вэнь Цзюэ в глубине души подозревал, не подстроил ли это сам Цзян Чуан — чтобы в будущем его безвременная кончина выглядела вполне естественно и помогла без лишнего шума избавиться от нежелательного супруга.

Вэнь Цзюэ обхватил шею Цзян Чуана руками и слегка прикусил его за мочку уха, прошептав с искушающей улыбкой:

— Может, пока чудо-лекарь не взялся за мое врачевание, развлечемся как следует еще несколько раз? — прошептал он с искушающей улыбкой на ухо Цзян Чуану. — Стоит мне начать пить снадобья, и нам уже нельзя будет предаваться утехам без оглядки...

Нарисованная родинка у его глаза стерлась от ласк Цзян Чуана, но опущенные ресницы по-прежнему таили в себе невыразимый соблазн — сущий демон-искуситель во плоти.

И в этот раз Цзян Чуан, разумеется, не нашел в себе сил устоять.